

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга архитектора М. Я. Гинзбурга, известного своими работами по проектированию и строительству жилых, общественных и промышленных зданий, а также по своим теоретическим трудам, не претендует быть книгой, излагающей обобщенный опыт жилищного строительства Союза и зарубежных стран. С марксистско-ленинским анализом развития культуры и жилищ.

Автор показывает, как товарищи, работающие вместе с ним, в своей практической творческой деятельности упорно боролись за новую культуру жилья, за современные формы архитектуры, сочетая это с соответствующими экспериментальными работами как в проектировании, так и самом строительстве. Результаты пятилетней экспериментально-исследовательской деятельности в области этой сложной, многогранной проблемы представляют значительный интерес для работающих в этой области и особенно для самих рабочих, консультация которых и конкретные хозяйственные указания по затрагиваемым вопросам совершенно необходимы.

Для реализации боевых задач, поставленных январским пленумом (1933 г. ЦК и ЦКК ВКП(б)), — об освоении новой техники повышения производительности труда и снижения себестоимости строительства, — необходимо усиленное проведение социалистического обмена проектно-строительным исследовательским опытом, ибо „Только при широком обмене техническим опытом и массовой борьбе за действительное овладение техникой в ходе самого производства возможно добиться положительных результатов“ (из постановления ЦК ВКП(б) о реорганизации НТО и общества „Техника — массам“ от 19 ноября 1931 г.).

Работа М. Я. Гинзбурга, как интересный и ценный материал многолетней теоретической и практической деятельности коллектива энтузиастов-архитекторов, кроме обмена чисто архитектурным опытом побуждает к дальнейшей разработке ряда актуальных вопросов, связанных с проблемой жилья. К ним могут быть отнесены конкретные отправные материалы по вопросам нормирования и типизации плановых и конструктивных решений, индустриализация отдельных элементов — вопросы цвета, применение новых материалов и др. Можно с уверенностью сказать, что настоящая работа есть шаг вперед в развитии архитектуры жилищно-коммунального строительства.

Автором наглядно показываются положительное и отрицательное из пройденных этим коллективом этапов дискуссий по вопросам социализма и городов, получивших оценку как в решениях своих единомышленников — функционалистов-конструктивистов (журн. „СА“ № 1 за 1929 г.), так и в нашей печати („Проблемы экономики“ № 6 за 1931 г., статья бригады ЭИКП „За марксистско-ленинскую теорию соцрасселения“, „Классовая борьба в теории коммунального строительства“ проф. Я. Д. Щупак, изд. Соцэкгиза, 1932 г., „Вестник стандартизации“ № 5 за 1931 г.).

Вместе с тем в книге не вскрыта диалектика процесса ликвидации противоположности между городом и деревней, его обусловленность уровнем социалистических производительных сил и отношений. В разделе „Культура жилища“ не дано четкого анализа классового характера в общественно-историческом развитии городского и крестьянского жилища; автором недоучитывается, что общественное развитие имеет свои внутренние законы, заключающиеся в том, что „Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще“ (Маркс). Недостаточно освещены вопросы экономики и стоимости жилищного строительства, осуществленного указанным в предисловии автора коллективом работников.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г., в выступлениях т. Кагановича и решениях июньского пленума (1931 г.) ЦК ВКП(б), XVII партийной конференции и январского пленума (1933 г.) ЦК и ЦКК ВКП(б) даны ключ и четкие указания и руководство к действию, установлены пути для каждого архитектора, инженера, худож-

ника, экономиста, хозяйственника, рабочего-строителя и т. п. во всей их дальнейшей деятельности.

Наша задача вести борьбу за реализацию этих указаний.

По просьбе автора отмечаем, что книга была им закончена в 1932 г.; за это время многое изменилось. Общезкономическое состояние и технический уровень СССР в такой степени выросли, что целый ряд новых, чисто архитектурных и технических вопросов в области жилища выдвинулся на первый план. Но, к сожалению, автор был уже лишен возможности отразить это в настоящей работе.

Редакция

ОТ АВТОРА

Настоящая работа ни в какой мере не претендует на исчерпывающее решение жилищной проблемы. Автор поставил перед собой гораздо более скромную задачу: передать советской общественности и другим работникам этой области опыт, накопленный в продолжение пяти лет группой товарищей, искренно стремившихся внести свою лепту в нашу новую жилищную культуру.

Тем самым определяется и круг вопросов, затронутых этой работой, а отчасти последовательность в изложении темы. Она следует основным хронологическим этапам в развитии самой работы и свидетельствует о тех сторонах жилищной проблемы, к которым было приковано в то время наше внимание. 1928—1929 гг. — наши работы были направлены на задачи разрешения вопросов жилищного строительства в существующих городах. Проблемы чисто экономического порядка, удешевление строительства, техническая реконструкция его, вопросы типизации и стандартизации в крупных жилищных блоках ставились одновременно со стремлением создать новый социальный тип жилища с развивающимися элементами обобщественного хозяйства.

1929—1930 гг. — в связи с бурным ростом нашей промышленности и возникновением ряда новых социалистических городов наша работа стала более теоретической, более „проблемной“, и центр внимания был направлен на поиски новых путей к разрешению этих безграничных по сложности и значению задач. Этот период нашей работы страдал нередко крайностями выводов и схематичностью решений.

1931—1932 гг. — наша работа опять концентрируется на более конкретных практических задачах, связанных со строительством новых населенных пунктов, главным образом на облегченном сборном строительстве, одновременно с попыткой заново продумать социальные задачи, стоящие перед нами.

Результатом этой работы явились некоторые практические выводы в области типизации и индустриализации строительства, постановка вопросов сетевого обслуживания и впервые осознанное значение проблемы районной планировки.

Во всех этапах нашей работы мы стремились ставить ее архитектурно, в том понимании этого слова, которое кажется нам наиболее правильным, т. е. во взаимодействии социальных, технических и художественных проблем. По этому принципу построены подбор иллюстративного материала книги. Ввиду того что вся наша работа велась на базе критического усвоения наследия прошлого в области жилища, фактическому изложению опытного материала предшествует глава — „культура жилища“, не ставящая себе задач социологического исследования этого наследия, а лишь трактующая самый характер творческого освоения нами жилищной культуры различных стран и эпох. Работа проводилась следующим коллективом архитекторов, конструкторов и экономистов:

Стройком РСФСР. Секция типизации. 1928—1929. Барщ М. О., Владимиров В. Н., Гинзбург М. Я., Пастернак А. Л., Сум-Шик Г. А.

Госплан РСФСР. Секция социалистического расселения, 1929, Афанасьев К. Н., Барщ М. О., Владимиров В. Н., Гинзбург М. Я., Зундблат Г. А., Милинис И. Ф., Орловский С. В., Охитович М. А., Пастернак А. Л., Савинов Г. Г., Соколов Н. Б.

Зеленый город. Группа социалистического расселения. 1930, Афанасьев К. Н., Барщ М. О., Владимиров В. Н., Гинзбург М. Я., Зундблат Г. А., Милинис И. Ф., Орловский С. В., Пастернак А. Л., Пузис Г. Б., Савинов Г. Г., Соколов Н. Б.

Гипрогор. Группа сборного строительства и планировки. 1931, Афанасьев К. Н., Барщ М. О., Владимиров В. Н., Гинзбург М. Я., Зундблат Г. А., Леонидов И. И., Лисагор С. А., Луцкий Г. И., Милинис И. Ф., Орловский С. В., Пастернак А. Л., Пузис Г. Б., Савинов Г. Г., Соколов Н. Б., Урмаев А. А.

Гипрогор. Сектор Башкирских работ, 1932. Адливанкин М. Г., Барщ М. О., Бикинг П., Вегман Г. Г., Гинзбург М. Я., Владимиров В. Н., Лисагор С. А., Луцкий Г. И., Милинис И. Ф., Мамулов М. О., Пастернак А. Л., Пак А. Я., Урмаев А. А.

М. Я. Гинзбург.

Культура жилища

Жилище умел сооружать еще человек неолита. Австралийские и тасманийские орды, не имевшие еще средств производства, почти не обладавшие каким-либо установившимся семейно-бытовым укладом, устраивали себе навесы, простые шалаши из ветвей, коры, тростника, камышей, травы.

Первобытное племя **Аэта** с острова Люсон строило себе хижины площадью 5—7 м² и вышиной около 1¹/₂ м.

Здесь мы видим первоначальную зачаточную форму жилья без какой бы то ни было дифференциации по семейно-бытовым признакам; единственное назначение жилья — удовлетворение потребности ночлега.

У малайских племен ¹ (семанги, сенои, джакун), оседавших вследствие увеличения количества добываемой пищи на одном месте и усваивавших первые начатки земледелия, мы встречаем уже образование семей и соответственно этому более развитое жилье.

Маленькие хижины, в которых жила одна супружеская чета с детьми, и большие, служащие жилищем двум, трем, четырем семьям — результат и отражение этого начального этапа человеческой культуры.

У более развитых малайских групп, которые занимаются земледелием в сравнительно больших размерах, под одной крышей живут **шесть, семь, восемь семейств, иногда 20—25 человек**. В этих хижинах помещения для сна отделены друг от друга бамбуковыми стенами или занавесками из циновки.

В домах племен Макка и Нутка ¹ живут несколько семейств, стоящих в близком родстве друг с другом и образующих „большую семью“. Посреди дома на некотором возвышении над уровнем пола находится большой очаг; в более крупных хижинах бывает и два очага; на них сообща готовят пищу. Над очагами — подставка для копчения рыбы. Около очага низкие сидения, покрытые циновками, где сидят во время совещаний старейшие члены домашней общины и гости. Кроме того каждый взрослый член семьи имеет у одной из продольных стен дома постель, покрытую циновками, покрывалами, шкурами. Постели мужа и жены расположены рядом.

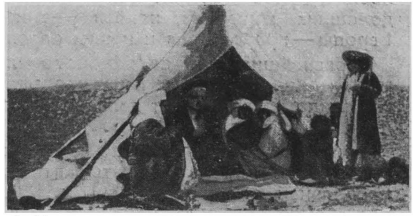
Здесь мы встречаемся уже с довольно высокой формой жилья с дифференцированными функциями: а) **приготовление пищи**, б) **общее помещение принятия пищи, отдыха, совета** и в) **сон**.

У племени восточного Педжэтсунда пища готовится в особых деревянных шалашах в стороне от жилья. Уже на этой начальной ступени развития производительных сил мы встречаемся с фактом накопления пищевых запасов, отсюда постройка отдельных кладовых и складов.

Круглые хижины **мандан** ¹ свидетельствуют о полном хозяйственном единстве „большой семьи“; у ирокезов жилье отражает происходящий в такой большой семье процесс хозяйственной дифференциации. Так, план дома племени **сенек** показывает, что жилье их состояло из 24 жилых каморок для отдельных семейств. Со стороны обоих узких фасадов дома было по одной входной двери, ведущей в широкий, тянувшийся вдоль всего дома коридор с шестью кухонными очагами. Направо и налево от коридора были расположены комнаты отдельных семейств, отделенные друг от друга досками и стенными циновками.

В европейских условиях мы уже не находим следов этого начального состояния культуры жилья. Процесс хозяйственного расслоения родов — превращение их в отдельные семьи нескольких поколений, — идущий параллельно со стабилизированной осед-

¹ Указанный пример, как и все прочие, помеченные знаком ¹, заимствованы из книги Г. Кунова «Всеобщая история хозяйства».

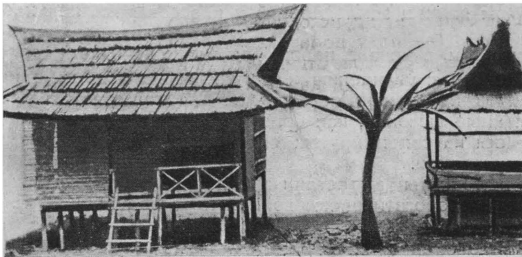
1. Киргизская палатна.

2. Туркменская кибитка в Хиве.

3. Постройка жилища племени В а и а р а.

4. Малайская хижина (по модели в Бременском музее).

лостью, более высоким техническим уровнем земледелия и наличием прирученных домашних животных, привел уже к кристаллизации типа жилого дома Средней Европы — прародителя и наших европейских жилых домов.

Древнейшие типы **саксонского или нижнегерманского крестьянского дома, франконского и шварцвальдского дома** представляют собой основные схемы, по которым идет дальнейшее развитие многочисленных крестьянских жилых домов Европы¹.

В саксонском доме ярко выражен единый хозяйственный организм. Он представляет собой обычно вытянутый в продольном направлении прямоугольник. По той же продольной оси расположены среднее и главное помещения дома, частично используемое как рига или хозяйственный склад, частично как общее помещение Diele. В конце Diele находятся так называемый Flet с очагом, по обе стороны которого расположены сараи. Очаг не имеет трубы; дым уходит через отверстие в крыше. По обе стороны очага расположены спальные помещения. В общее помещение входят: конюшня, коровник, свиной хлев, амбар, погреб, жилая комната и кухня.

Точно так же постольку, поскольку сохраняется социально-экономическое единство семьи, вполне очевидна и дальнейшая трансформация этого типа с сохранением композиционного единства большого продольного помещения и нанизанных на него меньших. Однако большое продольное помещение эволюционирует, превращаясь либо во внутренний двор (римское, помпейское, итальянское „atrio“ и восточное жилье), либо во внутреннее общее помещение Diele, Hall (англиское, американское, отчасти немецкое жилье).

Другой древнейший тип крестьянского жилья — **франконский дом** — разворачивается в противоположность саксонскому в поперечном от входа направлении. Общее помещение с очагом проходит по поперечной оси дома; далее жилье располагается по одну сторону общего помещения, а хлев и амбар — по другую. Общее помещение трансформируется затем в сени и кухню.

Здесь мы сталкиваемся по существу с той же хозяйственной системой, однако носящей на себе следы постепенного развития этого хозяйства (служебное помещение как и жилье может расти) и известной четкости в дифференциации бытовых процессов (собственно жилые помещения четко отграничены от служебных).

Третий тип — **шварцвальдский** крестьянский дом, — не отличаясь по существу от франконского, располагается однако в двух-трех этажах (внизу домашний скот, наверху жилье). То же явление можно встретить в татарских домах горного Крыма.

Однако еще задолго до трансформации крестьянского жилища в развитой тип городского дома в истории развития жилищ встречаются примеры сложнейших архитектурных комплексов у первобытных народов. Так, испанцы, впервые попав в области Мексиканского залива, застали у обитавших здесь индейских племен поселения, состоящие из многоэтажных зданий.

На примере развития мексиканских племен можно чрезвычайно наглядно проследить процесс перерождения этих хозяйственных общин в обычные формации товарного общества, который в дальнейших своих стадиях окончательно дифференцирует способы расселения и формы жилищ земледельцев и классов ремесленников и торговцев.

Аналогичный процесс происходил и в начале нового летоисчисления в Европе.

Бедный, скромный, маленький Рим с уединенными домиками патрициев, с небольшим кварталом ремесленников переживал период лихорадочного роста. Повсюду начали тесниться бесчисленные высокие, как башни, доходные дома, жилища бедного простонародья, лепившиеся на самых крутых склонах или возвышавшиеся на самых высоких вершинах семи холмов.

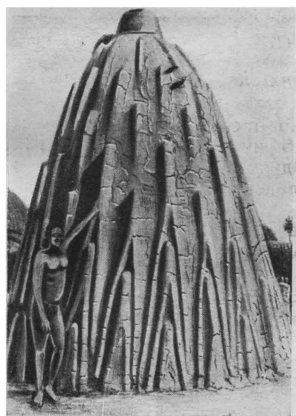
И посреди этой скученности и бедноты вырастали в больших садах огромные дворцы всадников, купцов, генералов, обогатившихся войной и ростовщичеством².

¹ По материалам энциклопедии «Промышленность и техника строительного искусства», том I.

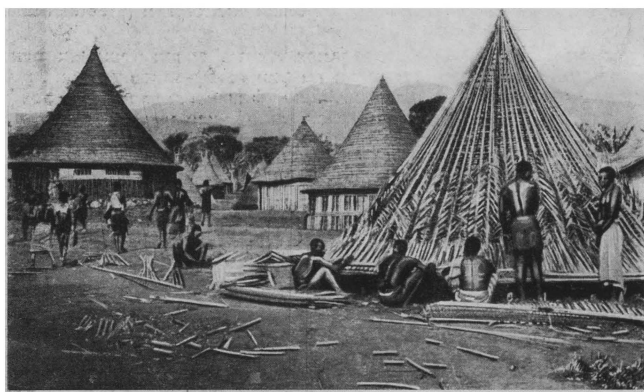
² Г. Ферреро, Величие и падение Рима.

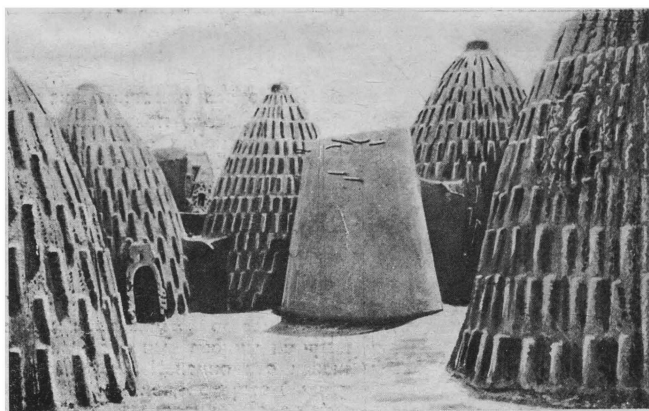
5. Внутренность киргизской юрты Сыр-Дагьинской области.

6. Дом Кирди-Масса в Негрском поселке.

7. Поселок Бурену (Намерун).

8. Негрский поселок Масса.

9. Хижина в Эль-Буба (Намерун).

10. Поселок Гульфе (Намерун).

11. Поселок Зокэн (Намерун).

Однако проследить этот процесс на конкретном архитектурном материале удастся лишь в средневековой Европе, когда с началом крестовых походов начинается развитие торговли, развивающее основы натурального хозяйства; земледелие отделяется от промышленности, и промышленность дробится на многочисленные отрасли.

Старое крестьянское жилище первобытных сельскохозяйственных народов по мере обогащения отдельных лиц (сеньоров-феодалов) на первичной своей хозяйственной основе пришло к дифференциации отдельных функций, к росту отдельных помещений жилого и хозяйственного значения, к улучшению условий **функционирования всех потребностей феодала**. Так создавался феодальный замок, помещицья усадьба. С другой стороны, старое крестьянское жилище, приспособляясь к условиям городского существования, к новым формам хозяйственной структуры, послужило материалом для формации нового буржуазного жилья.

Уже древние римские и помпейские дома обнаруживали следы этого приспособления, когда к обычному типу хозяйственного организма, группируемого вокруг атриума, прибавляли с фасадной стороны, выходящей на улицу, несколько помещений, используемых либо как мастерская, либо как торговое помещение. Однако города средневековой Европы уже так модифицируют старый крестьянский дом, что служебные помещения постепенно сходят на-нет, а магазин или мастерская увеличивается в своем значении и размерах вплоть до того, что жилье переходит в верхний этаж, уступая нижний этаж мастерской или магазину.

Жилье все еще остается единым хозяйственным организмом, где место овина или коровника заняла мастерская или лавка. Однако дальнейшее развитие торгового капитала, образование промышленного капитала, вытеснение мелкого ремесла крупным фабричным производством и мелкой лавочной торговли крупными торговыми предприятиями — все это наносит непоправимые удары старому жилью.

Отныне жилье фабриканта или рабочего не есть часть фабрики, как магазин не есть часть жилья торговца.

Происходит постепенно процесс полного отделения места труда человека от места его жилья. Исключения составляют лишь некоторые междуклассовые группы интеллигенции — художники, писатели и ученые, труд которых, оставаясь в старых ремесленных формах, позволял в известном смысле сохранить органическое единство места работы и жилья.

Как общее правило, однако **производительный труд человека пространственно отрывается от его жилья**.

Точно так же чрезвычайно давно начавшийся процесс концентрации излишков материальных благ в руках отдельных семейств привел к тому, что функционирование **одних и тех же физиологических и культурных потребностей получает различные социальные нормы** в зависимости не от соответствующих гигиенических требований, а от экономических возможностей того или иного класса.

На одном и том же техническом уровне сооружения жилья потребности сна могут разрешаться для фабричного рабочего например в виде койки в рабочей казарме, а для фабриканта — в виде целой группы специальных комнат.

Один из крупнейших по значению очагов нашего исторического прошлого — искусство греков, римлян и итальянцев — оставил нам в наследие великолепные храмы, роскошнейшие термы, изумительные дворцы, но чрезвычайно мало оставил нам следов подлинной культуры жилья. Конечно это явление неслучайно, и не в недолговечности строительных материалов, которые были употреблены для жилых строений, заключается причина этого явления. Более позднее искусство романских народов, итальянцев, французов и испанцев, в великолепной сохранности оставившее нам свои грандиозные дворцы и более скромные жилища, подтверждает факт